

ства и преимущества. Намъ, можетъ быть, напомнятъ здѣсь объ известномъ движеніи, созданномъ русскою молодежью. Время для исторической оцѣнки этого движенія еще не настало; но, кажется, безошибочно можно сказать, что стремленія русской молодежи были послѣднею вспышкой по-освободительнаго впечатлѣнія, вслѣдъ за которою наступила до сихъ поръ тянущаяся переходная полоса. Обнаружатся ли результаты этого движенія когда нибудь въ будущемъ, рѣшить трудно, хотя значеніе его, какъ вспышки, мнѣ кажется вполне исчерпаннымъ.

III.

Говоря о современномъ русскомъ міросозерцаніи, я не могу пройти молчаніемъ такого явленія, какъ народившійся у насъ анти-семитизмъ. Говорить противъ евреевъ въ нашей, такъ называемой, либеральной печати считалось предосудительнымъ, ибо евреи извѣстнымъ образомъ *ограничени*-де въ своихъ правахъ и какъ бы обрѣтаются не въ авантажѣ. Подобное великодушное отношеніе «либеральной» печати къ евреямъ, разумѣется, дѣлало честь ея щепетильности, но щепетильность бываетъ не у мѣста, если однихъ гарантируетъ отъ неприятности услышать рѣзкое слово, и въ то же время подвергаетъ другихъ значительной опасности. Нѣтъ надобности требовать отъ «либеральной» печати, чтобы она костила евреевъ на всѣ корки, но можно пожелать, чтобы и ею, въ свою очередь, были предприняты добросовѣстные изысканія по еврейскому вопросу, при помощи которыхъ можно было бы прійти къ окончательному выводу. До сихъ поръ юдофилы не представили ни одного доказательства въ пользу необходимости уравнять евреевъ въ правахъ съ христіанами, если не считать общихъ разсужденій на тему о гуманности и защитительныхъ брошюркъ, сочиняемыхъ сателлитами еврейскихъ вожаковъ. Между тѣмъ общество рѣшительно интересуется еврейскимъ вопросомъ и въ немъ обозначается то движеніе, которое на западѣ носитъ названіе анти-семитизма. Желая доказать несостоятельность и даже безмысленность антисемитизма, французскій публицистъ Сень-Женэ, въ одной изъ своихъ статей, указалъ, между прочимъ, на то обстоятельство, что антисемитами являются люди разныхъ политическихъ убѣжденій—и радикалы, и умѣренные республиканцы, и бонапартисты, и легитимисты. Сень-Женэ недоумѣваетъ, во имя чего собрались эти люди подъ знамя антисемитизма, коль скоро ихъ политическіе ка-

техизмы не заключаютъ въ себѣ параграфовъ, предусматривающихъ его. Намъ кажется, что возраженіе Сень-Жена совсѣмъ не такъ побѣдоносно, какъ думаютъ юдофилы, и скорѣе укрѣпляетъ, нежели поражаетъ антисемитизмъ. Потому-то и слѣдуетъ отнестись къ этому явленію съ величайшимъ вниманіемъ, что оно проникло во всѣ слои общества, охватило людей всѣхъ политическихъ направленій и партій.

У насъ, въ Россіи, антисемитизмъ еще не обозначился столь рѣзко, какъ на западѣ; къ тому же первоначальныя нападки на евреевъ были произведены людьми не авторитетными, малосвѣдущими, и потому не могли имѣть послѣдствій. Мало по малу, однако, еврейскій вопросъ привлекъ вниманіе и просвѣщенной части общества, выдѣливъ изъ нея немногочисленныхъ, но серьезныхъ и добросовѣстныхъ изслѣдователей, въ родѣ покойнаго Дяминаскаго. Вѣроятно, въ ближайшемъ будущемъ, и «либеральная» печать, наконецъ, пойметъ, что у нея, и помимо евреевъ, есть что отстаивать, и что въ еврейскомъ вопросѣ фактическая и научная сторона гораздо важнѣе «принципальной», основанной на ложно понятой гуманности, на принципѣ устарѣвшей экономической школы: «Laissez faire, laissez passer». Если еврей, какъ существуетъ предположеніе, дѣйствительно представляютъ изъ себя расу, прямо вредную въ антропологическомъ отношеніи, то, вѣроятно, и ихъ теперешніе защитники согласятся, что консервировать эту расу со всѣми ея національными особенностями не наше дѣло и что разумнѣе всего будетъ позаботиться о приведеніи евреевъ къ такому виду, въ которомъ они наименѣе могли бы вредить нашей народности и нашей культурѣ.

Было бы истиннымъ чловѣконенавистничествомъ, еслибы въ насъ жила къ евреямъ релігіозная и племенная вражда. Но этимъ русскіе люди не грѣшатъ и не питаютъ злобныхъ чувствъ противъ евреевъ, какъ противъ иновѣрцевъ. Нельзя придавать значенія словамъ ханжей и пустосвятовъ: за ханжами и пустосвятами стоитъ не масса русскаго общества, а лишь ничтожнѣйшая его часть. Установить правильную точку зрѣнія въ еврейскомъ вопросѣ (хотя бы неблагоприятную для евреевъ) намъ нужно для чисто культурныхъ и прогрессивныхъ цѣлей, а не ради чего нибудь инаго. Вступая на путь національнаго самосознанія, русское общество непременно должно опредѣлить, какую роль играютъ въ его средѣ различныя посторонніе элементы. Весьма естественно, что здѣсь заходитъ рѣчь объ евреяхъ, съ которыми намъ постоянно приходится сталкиваться.

Говоря о вступленіи русскаго общества на путь національнаго самосознанія, я имѣю въ виду лишь слабыя попытки въ этомъ направленіи, Громкія слова: пробужденіе національнаго самосозна-

нѣя», быть можетъ, не совсѣмъ подходятъ къ явленію, только что обозначающемуся и усвоившему довольно мелкую форму. Но что дѣлать! мелочность нѣя, вѣрнѣе сказать, мелкость—одна изъ характернѣйшихъ признаковъ переживаемой нами эпохи. Наша публицистика обратилась къ вопросамъ мелкимъ и выказываетъ полное равнодушіе къ «общимъ вопросамъ». Съ извѣстной точки зрѣнія, это явленіе имѣетъ свою утѣшительную сторону. Мы выкаемъ во все потребности нашей вѣшной жизни, ознакомляемся съ тысячами мелочей, ничтожныхъ въ отдѣльности, но крайне типичныхъ въ массѣ, слѣдимъ за развитіемъ нашей промышленности, торговли, скромной общественной дѣятельности, за разными происшествіями и курьезами, и, право, имѣемъ болѣе обстоятельное понятіе о нашемъ отечествѣ, чѣмъ люди, жившіе въ эпоху «общихъ вопросовъ».

Но въ томъ же явленіи есть и прискорбная сторона. Отдавъ все свое вниманіе мелкимъ вопросамъ, мы забыли, что существуютъ вопросы огромной важности, именно «общіе вопросы», и что жизнь исчерпывается не однимъ мелочами. Поэтому, зная очень много, мы, въ то же время, какъ будто и ничего не знаемъ; мы не пользуемся фактическимъ матеріаломъ для обобщеній и дѣлаемъ выводы по поводу каждого отдѣльнаго факта.

Эта особенность мелкаго, словно разрозненнаго мышленія чрезвычайно наглядно сказала въ произведеніяхъ одного современнаго беллетриста, именно г. Чехова. Въ г. Чеховѣ, «какъ солнце въ малой каплѣ воды», отражается мирозерцаніе или, вѣрнѣе сказать, отсутствіе стройнаго мирозерцанія современной толпы. Г. Чеховъ, будучи писателемъ въ извѣстной мѣрѣ даровитымъ, весьма удачно подмѣчаетъ мелочи жизни и фотографируетъ ихъ съ значительною сноровкой. Замѣтитъ г. Чеховъ, что мужъ съ женой бранятся, наведетъ на нихъ аппаратъ и сфотографируетъ. Замѣтитъ, что мальчики собаку дразнятъ, и мальчиковъ сфотографируетъ. Но г. Чеховъ никакъ не можетъ слить своихъ наблюденій въ одно цѣлое. Ему, напримѣръ, не приходитъ въ голову, что мальчики, травящіе собаку—дѣти ссорящихся стироговъ, и что непочтенное занятіе мальчиковъ обусловливается непочтеннымъ образомъ жизни родителей, занятыхъ перебранкою между собою и не наблюдающихъ за дѣтьми. У г. Чехова, очевидно, нѣтъ художественнаго цемента, которымъ онъ могъ бы соединить свои разрозненныя наблюденія въ одно цѣлое. Какой, въ самомъ дѣлѣ, смыслъ отдѣльно изображать бранящихся стироговъ и отдѣльно травящихъ собаку мальчиковъ, если ихъ можно слить воедино и тѣмъ усилить интересъ картины? Однако г. Чеховъ теряется, не усматриваетъ связи между явленіями, обособляетъ ихъ. До чего

доходить у него это обособленіе, видно изъ слѣдующаго. Подмѣтитъ нашъ авторъ какую нибудь сцену. Положимъ — выходить чиновникъ изъ департамента и нанимаетъ извозчика, ѣдетъ на дачу и всю дорогу бранится. Затѣмъ (видитъ авторъ) чиновникъ сидитъ у себя на дачѣ, куритъ папиросу и бранится съ какой-то бабой. Далѣе, чиновникъ въ гостяхъ играетъ въ карты и бранится со своимъ партнеромъ. Кажется, чего проще: взять, да и изобразить вѣчно бранящагося чиновника. Между тѣмъ г. Чеховъ дѣлаетъ иначе: онъ изображаетъ не одного, а трехъ чиновниковъ: чиновника, ругающаго извозчика; чиновника, ругающаго бабу, и чиновника, ругающаго партнера. Получаются сценки, можетъ быть, очень живыя, милыя, но мало характерныя, мало интересныя и совсѣмъ незначительныя.

На указанной особенности г. Чехова я вижу полное отраженіе особенности нашей мелочной эпохи. Не умѣемъ мы обобщать, не умѣемъ опѣивать факта въ связи съ другими однородными фактами и судимъ только въ разбивку. Оттого наши сужденія крайне сбивчивы. Вѣдь однородные факты не то же, что одинаковые факты. Два факта могутъ быть однородны, но каждый представляетъ извѣстныя отличія. Случится, что намъ бросятся въ глаза такія-то отличія; случится, что мы обратимъ вниманіе на такія-то. Каждый разъ получаютъ новыя заключенія, иногда діаметрально-противоположныя. А факты между тѣмъ однородны, т. е. даютъ поводъ къ обобщенію.

Я не могу согласиться съ г. Ясинскимъ въ его мрачномъ взглядѣ на современную дѣйствительность, но не потому, что считаю современную дѣйствительность отрадной, а потому, что вижу въ ней болѣе или менѣе свѣтлыя обѣщанія. Силы русскаго общества устремились по разнымъ направленіямъ. вмѣсто одного русла, жизнь пробилла тысячи новыхъ и льется маленькими ручейками, порою едва замѣтными для глаза простаго наблюдателя. Зрѣлище каждаго ручейка въ отдѣльности—непривлекательное зрѣлище, въ особенности для людей, видѣвшихъ многоводныя рѣки. Но эти ручьи сольются въ огромномъ морѣ. Русская жизнь выдетъ, наконецъ, на просторъ. Мощно и свободно проявится энергія теперь дремлющаго общества и, можетъ быть, уже долго не ослабнетъ. Тогда наступитъ золотой вѣкъ и для литературы, которая «не станетъ искажать фактовъ, ибо каждый подмѣченный ею фактъ будетъ самъ по себѣ прекрасенъ».

Н. Медвѣдскій.